

Владислав
КРАПИВИН

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

Та сторона,
где ветер

С первым ветром проснется компас.

А. С. Грин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АВГУСТ

Ночью грянул норд-вест. Он ударил так, что несколько шиферных плиток сорвались с крыши и застучали о деревянное крыльцо. Застонали расшатанные ворота. Потом, когда первая волна ветра ушла и он сделался ровнее, Владик услышал гудение проводов. Они дрожали в потоках воздуха, как басовые струны, и низкий звук их проникал сквозь шум ближних деревьев и беспорядочное, как перестрелка, хлопанье калиток.

Владику захотелось подняться на чердак и проверить стрелку флюгера. Но он побоялся разбудить отца. Ведь отец обязательно проснется от осторожных Владькиных шагов. Нет, пусть уж спит, он и так лег совсем недавно. Владик еще слышал неостывший запах обуглившейся газеты, которой отец прикрывал лампу, когда сидел над чертежами.

Владик нащупал упавшее на пол одеяло, натянул его до подбородка и стал медленно засыпать под шум тополей и гудение проводов. «Циклон с северо-запада», — подумал он сквозь дремоту. Сейчас он уже и без флюгера знал, с какой стороны пришел ветер.

Темнота, словно стены черной палатки, вздрагивала под ветром. И вот наконец он пробил ее, рассыпав редкие оранжевые искры. Они выросли, превратились в яркие шары с пушистыми лучами и заплясали вокруг Владика, разрывая темноту на клочья. Так всегда начинался самый хороший сон.

Но сейчас в него вмешалось что-то чужое и недоброе.

Откуда-то из глубины донеслись шаркающие шаги тетки. «Приехала уже! — недовольно подумал Владик. — И ко-

гда успела?» Медленно и скрипуче тетка заговорила изда-дека:

— Продырявил крышу-то. Навтыкал всяких палок. Все не как у людей! У других-то уж, если не дал Господь...

— Чего не дал? — поднимаясь, тихо спросил Владик и почувствовал, как от обиды и злости холодеет лицо.

Тетка замахала руками и стала быстро уменьшаться, словно таять.

— «Господь»... — сквозь зубы сказал Владик.

Но маленькие оранжевые солнца снова закружились перед ним, сливаясь в яркие полосы, и темнота рассеялась совсем. Владiku снилось, что кругом уже день и, как зеленые костры, полыхают на ветру деревья...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, что Генка три дня подряд не ходил на занятия по английскому языку, отец узнал случайно, перед самым отъездом. Сгоряча он закатил сыну такую затрещину, что у того даже зачесалось в носу. Генка отскочил в угол, прижался спиной к стене и приготовился крикнуть, что пусть хоть убьют, а толку все равно не будет, потому что...

Но отец слушать не стал. Рванул с вешалки дождевик, вскинул на плечо рюкзак и шагнул за дверь, сказав на прощанье:

— Не перейдешь в шестой — шкуру спущу!

Мать посмотрела на Генку долгим взглядом, вздохнула и пошла провожать отца. Хлопнула дверь.

Генка стер со щеки слезу, пнул табуретку и, сев на подоконник, стал грызть ногти в злом раздумье.

За «шкуру» он не боялся. Отец вернется только в октябре, а тогда уже будет поздно шуметь, если Генка и останется на второй год. А в том, что он останется, Генка был уверен. К этой мысли он привык, и мучило его другое: надо было каждое утро таскаться в школу, где худая и раздражительная «англичанка» Вера Генриховна пыталась вдолбить в голову Генке и еще не-

скольким неудачникам то, что они не смогли выучить за весь учебный год.

Генка передернул плечами. Он вспомнил гулкие ступени пустых школьных лестниц, перевернутые парты у стен, тяжелые шаги маляров, таскавших стремянки по забрызганным известковыми звездами коридорам, и пыльные окна класса. Класс казался теперь очень большим, потому что в нем осталось только четыре парты, остальные вынесли ремонтировать. Генка сидел там на крайней парте, у стены, и тоскливо слушал, как Вера Генриховна с расстановкой произносит:

— Пора понять: до решающей контрольной осталось не больше трех недель.

Для большей убедительности она слегка нажимала на «р»: «Порра... ррешающей контррольной... тррех...» Потом она поворачивалась к треснувшей порыжевшей доске и брала мел. Из-под мела сыпался белый порошок. На доске появлялись английские слова. Те слова, которые читались вовсе не так, как были написаны, и которые нельзя выговорить, не вывихнув язык.

Генка разглядывал седоватый узел волос на затылке «англичанки», уныло грыз ручку, и постепенно в него заползали тоска и безнадежность.

Так проходили два часа. Они все-таки кончались, несмотря на свою бесконечность, и Генка выходил на улицу, где в тополях и кленах посвистывал ветер августа. И в листьях плясало солнце. Но день был испорчен, потому что до вечера сидело в Генке это чувство безнадежности, едкое, как запах сырой извести в пустых коридорах...

А ветер шумел и сейчас, качал в палисаднике ветки сирени. Но Генка не радовался ветру. Он сидел и злился на весь белый свет. Злость бывает разная. Иногда рассердишься, и будто сил прибавится, а иногда наоборот: приходит злость беспомощная, такая, что даже кулаки сжать как следует не хватает силенок. Только сидишь и смотришь на все кругом из-под насупленных бровей. И хорошо еще, если есть что насупить. А если вместо бровей чуть заметные полоски редких рыжеватых волосков? Генка с отвращением глянул в зеркало на дверце облезлого гардероба. Но лица не увидел. В отраженном солнечном окне

рисовался только темный Генкин силуэт — зябко сведенные плечи, круглые, чуть оттопыренные уши, торчащие вверх сосульки волос. Впрочем, Генка и без зеркала отлично помнил свое лицо — скуластое, толстогубое, с широко посаженными глазами, со вздернутым носом и пояском желтых веснушек, протянувшимся через переносицу. «Самый подходящий портрет для второгодника», — подумал он даже со злорадством.

Его злило все: шуршание ветра, хлопанье форточки, дребезжащая музыка приемника. Генка спрыгнул на пол. Со звоном закрыл форточку. Рванул штепсель. С кухни доносилось звяканье тарелок и погромыхиванье кастрюль: бабушка мыла посуду. Генка приоткрыл дверь и просунул голову:

— Чем каждой тарелкой греметь, взяла бы лучше все сразу да об пол!..

— Уехал отец-то, — печально сказала бабушка. — Оставил природа на погибель нашу. Не будет сладу.

— Не будет, — мрачно согласился Генка.

Вернулся в комнату и снова залез на подоконник. Прямо в ботинках — на чисто вымытый подоконник.

Опять заюлила беспокойная мысль: «Что делать, что делать?» Нет, ну в самом деле, что же делать? Вот были бы такие таблетки, чтобы принять их и сразу уснуть на три недели! Лишь бы не ходить в пустой, пахнущий известкой класс, не слышать унылое поскрипывание мела. Спать и ничего не чувствовать. Даже не жалко августа и ветров. Лишь бы кончилось все скорее! Ну и пусть он будет второгодник. Второгодники разве не люди?

Мать, когда узнает, схватит, конечно, Генку за воротник, закричит и начнет колотить его сухим кулачком по спине. Это не страшно. Хуже, если она не станет колотить, а просто опустит руки и заплачет. Слезы у нее крупные и медленные. Они стекают по тонким морщинкам на щеках, падают с худого подбородка и застревают в зеленых ворсинках потертой шерстяной кофточки. Генка не может смотреть на это... А бабушка обязательно будет стоять рядом и тихо говорить:

— Ведь учил отец-то его, нехристь окаянную: старайся ты, будь человеком. Не хочет, лодырь бессовестный!

Не хочет! Да он просто не может. Ну нет способностей. Вот на музыканта, например, ни одного человека не станут учить, если нет у него совсем таланта. А если нет никакого таланта, чтобы учить английский язык?

«Будь человеком». А разве обязательно знать английский, чтобы стать человеком? «Будь»! А почему «будь»? А сейчас он разве не человек?..

Вдруг знакомый звук перебил невеселые Генкины мысли. Словно неподалеку сыпали на сухие доски горох. Но, конечно, никакого гороха не было. Это мчался куда-то восьмилетний малыш Илька — щелкали по асфальту его сандалии.

Генка усмехнулся. Вспомнил, как недавно Илькина мать вертела в руках сандалию с протертой насквозь подошвой и сокрушалась:

— Хоть верьте, хоть нет — за это лето уже третья пара. Просто горят у него на ногах.

Рядом стояли соседки и сочувственно качали головами: горят. Илька тоже стоял рядом, поджав босую ногу. Он поглядывал на дыру в подошве и безнадежным голосом спрашивал:

— Ну можно буду босиком бегать? Ну можно, мам?

— Еще чего! Я вот покажу тебе «босиком»! Пропорешь ногу да получишь столбняк... Чтобы прививку сделать, тебя ведь арканом не затащишь.

Илькина мама была врачом детской поликлиники и разбиралась в таких вещах, как столбняк.

Сейчас Илька, судя по звонкому щелканью, бегал в новых, четвертых по счету, сандалиях. Хватит ли до осени? Кто знает! Не зря у Ильки такое прозвище — Гонец. Если надо что-то передать, куда-то сбегать, Илька мигом! Только попросите. Он готов куда угодно. Хоть за пять кварталов, хоть за десять. Потому что это же здорово — лететь по улицам быстрее всех и так, чтобы ветер навстречу!

Генка сразу представил: мчится Гонец — мелькают коричневые ноги, как спицы в колесе старой бабушкиной прялки. Короткий Илькин чубчик торчком встает надо лбом от встречного ветра. И расстегнутая рубашка-распашонка трепещет за спиной, будто маленький плащ.

Если щелкают Илькины подошвы, значит что-то случилось, значит есть какая-то новость!

И вот все ближе: та-та-та-та-та... Истошно завопили у соседней подворотни перепуганные куры. Илька с размаху остановился у палисадника. Встал на цыпочки, навалился голым животом на острые рейки. Головой раздвинул ветки.

— Ген... — тяжело дыша, сказал он. Длинные ресницы вздрагивали над его темными встревоженными глазами.

— Ну?

— Гена... Он опять поднялся. Белый...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Август — месяц ветров. Широкой полосой движутся они с северо-запада, и над городом начинают шуметь старые тополя. Хлопают незапертые калитки, во дворах летит с веревок мокрое белье. А на реке над трубами буксиров рвется в клочья черный дым и полощут на мачтах флаги. В синеве, чисто вымытой ветрами, бегут маленькие желтые облака.

А под облаками, вздрагивая в потоках воздуха, стоят разноцветные квадратики воздушных змеев.

...Петька Лимон, который когда-то запустил к самым тучам «Синего демона» и стал первым флагманом змеевиков, теперь уже совсем не Петька, а Петр Лиманов. И живет не на западной окраине, а на другом конце города, в новом заводском поселке, и работает мастером литейного цеха. А «Синий демон» стал легендой. Но каждый год в августе, когда приходят свежие ровные ветры, поднимаются с невысоких крыш Берегового поселка пестрые летуны с мочальными хвостами.

Перечеркнутый крест-накрест тонкими планками змей похож на большой почтовый конверт. Так их и называют — «конверты». Но есть еще у каждого «конверта» свое имя. Лучше всех знает эти имена Илька. Если его поймать на улице, он охотно остановится на полминутки, запрокинет голову и, протянув в небо ладонь, пошлет звучные названия: «Леонардо»,

«Желтый щит», «Василек» (это уж, конечно, девчонки выдумали), «Битанго», «Восток-203» (это для запаса такая цифрища), «Гагаринец»...

Илька знает их все. Даже по звуку трещотки может определить, какой змей сейчас у него над головой. Нет, в самом деле может. Можно даже закрыть ему глаза, и пусть кто-нибудь неподалеку поднимет свой «конверт» — Илька сразу угадает... Но своего змея у Ильки нет. Есть только мечта. Мечта о большом и легком «конверте», о таком, который при самом слабом ветре уходит из рук в небо, как на крыльях, и не падает никогда...

Бывает, что «конверты» падают. Если змей оборван порывом ветра, это еще полбеды: «конверт» подберут и отдадут хозяину. Хуже, если змея сбили голубятники. Они пираты. Они придумали, что воздушные змеи пугают голубей. И еще придумали закидушки. Это два камня и шпагат. Когда змей в воздухе, нить к нему от крыши тянется не прямо: она провисает и, прежде чем уйти вверх, проходит невысоко над землей. Здесь ее и заарканивают закидушками голубятники.

Прихватив добычу, они мчатся домой и по привычке ждут выкупа. Не дождавшись, они выходят на улицу. Здесь их ловят и колотят. Таков закон.

Ветры и небо сдружили мальчишек-змеевиков. С утра до вечера бегут вверх по ниткам пестрые клочки бумажных «телеграмм». Это хозяева «конвертов» ведут разговор. Нехитрую воздушную азбуку понимают все, даже Илька, хотя и с обыкновенным-то чтением он познакомился всего год назад. А чего тут не понимать? Обыкновенная азбука Морзе: белая «телеграмма» — точка, черная — тире. А разноцветные клочки — это позывные. У каждого свои. У Генкиного «Кондора», например, два зеленых. Так его всегда и вызывают для беседы или для отпора голубятникам.

И есть такое правило: как появится в небе новый змей, он должен дать свои позывные. А как же иначе? Небо одно, и все в нем должны знать друг друга.

Большой белый змей появился вчера. Словно квадратная луна, взошел он из-за тополей на улице Чайковского и поднялся выше всех. Он не дал позывных и не ответил на сигналы.

Шурик Черемховский стоял, прислонившись к забору, грыз сухой стебелек и смотрел вверх. Белый квадратик змея неподвижно висел в зените. Светлая нитка, почти неразличимая в синеве, уходила от него за тополя. Небо сейчас было почти пустым. Пестрые «конверты», словно стесняясь белого незнакомца, потянулись к своим крышам, исчезли. Только над соседним кварталом невысоко маячил голубой «Василек» Надьки Колпаковой да над зеленой крышей Тольки Селькупова трепыхался, пытаясь взлететь, неуклюжий «Погонщик туч».

Белый змей шевельнулся. Было заметно, что он взял еще несколько метров высоты. И снова замер.

— Возможно, он нас не понял, — сказал Шурик, не разжимая зубов, чтобы не выпустить травинку. Стебелек дернулся вверх и вниз, словно стрелка чуткого прибора.

— Чего? — откликнулся с забора Яшка Воробей.

Он сидел на корточках, примостившись на срезе шаткого столба. Сидел и тоже смотрел вверх похожими на темные блестящие кнопки глазами. Не отрывая глаз от змея, он повторил:

— Чего не понял?

— Сигналов, — сказал Шурик.

— Ха! Все понимают, а он неграмотный, значит? Спросил бы, научили бы...

Шурик пожал плечами и выплюнул стебелек.

Щелканье подошв рассыпалось за углом. И вылетел Илька.

Не сбавляя скорости, словно конькобежец, он описал кругую дугу и, чтобы остановиться, с разбегу уперся ладонями в забор. Доски и столб закачались. Закачался и Яшка, смешно размахивая тонкими руками. Не удержался и прыгнул, отбил пятки об асфальт. Замахнулся острым кулачком на Ильку:

— Козел бешеный! Тормоза не держат, что ли? Как тресну! Илька ловко присел.

— Оставь его в покое, — сказал Шурик. И спросил у Ильки: — Узнал?

— Про что?

Шурик движением бровей указал вверх:

— Чей он?

Илька заморгал.

— Я не знаю...

— А-а... — разочарованно протянул Шурик. — Я думал, ты узнавать бегал.

— Я еще вчера бегал, — сказал Илька немного виновато. — Но там, на Якорной, сидят Витька и Серега Ковалевы. А на улице Чехова еще какие-то голубятники. Но они ведь тоже, наверно, знают про катапульту. Им теперь только попадись. Да, Яшка?

— Еще бы, — усмехнулся Воробей, и его треугольное личико даже сделалось круглее.

— А ты при чем? — сказал Ильке Шурик. — Ты в этой истории ведь не участвовал.

— Будут они разбираться! — сказал Воробей.

Илька потоптался, вздохнул и показал на змея:

— Знаете что? Вот, по-моему, он это нарочно, вот и все.

— Кто? — рассеянно спросил Шурик. Он что-то обдумывал и опять жевал травинку.

— Тот, кто его запустил, — объяснил Илька. — Вон он где! Выше всех. Вот он и думает: раз выше, значит плевать на всех.

Яшка скривил маленький рот:

— Гляди-ка ты, «выше»! У меня «Шмель» еще выше поднимался.

— Ух и врешь! — изумился Илька.

— И, кроме того, твой «Шмель» упал, — заметил Шурик.

Яшка понял, что перегнул. Но ни ссориться, ни стукать по шее Ильку не хотелось. Белый «конверт» висел в небе, как насмешка над всеми змеевиками.

— Генкин «Кондор» все равно поднимется выше, — твердо заявил Яшка.

— Он может, — согласился Шурик. — Но Генки нет.

Илька открыл рот, но сказать ничего не успел. Сказал Воробей:

— Генка теперь злой. С английским у него дело — гроб. Увяз.

— А он и не старался выкарабкаться, — спокойно произнес Шурик.

Яшка уставился на него колючими глазами:

— «Не старался!» А ты знаешь? А чего стараться, если все равно бесполезно! Если человек не может!

Шурик согласился:

— Может быть. Я не знаю, я учу немецкий. Он, говорят, легче.

— У разных людей голова по-разному устроена, — задумчиво произнес Яшка. — У одного языки учатся хорошо, а у другого никак. У Галки, у моей сестры, в медицинском институте английский язык да еще латинский, на котором рецепты выписывают. И она хоть бы что. А я в этот латинский заглянул — ну ни капельки не понятно.

Шурик пожал плечами:

— А ты сразу понять хотел? Ты хоть латинские буквы знаешь?

— Знаю. «Рэ» — как «я», только наоборот. «Лэ» — как «гэ» вниз головой. «И» — палка с точкой.

— Сам ты палка с точкой, — вздохнул Шурик.

Яшка снова задрал голову. Белый «конвертик» стоял в небе не двигаясь.

— Даже не дрогнет, — сказал Илька.

— У Генки все равно лучше, — ответил Яшка и плюнул. — Надо Генку позвать. «Кондора» поднимем, тогда этот беляк сразу...

Что такое это «сразу», Яшка сказать не умел. Но он понимал, и другие понимали, что если «Кондор» поднимется выше беляка, все будет в порядке. Илька опять хотел сказать, что Генку он уже позвал, но Шурик перебил:

— Про английский с ним не говорите, когда придет.

— Уже пришел, — хмуро откликнулся Генка.

Никто не заметил, как он оказался рядом: все разглядывали белого змея.

— Извини, я не видел, — спокойно сказал Шурик.

Генка поморщился и резко вскинул плечи. Таких людей, как Шурка, он не понимал. Терпеть не мог он, когда кто-нибудь так легко во все стороны раскидывал свои «извините» и «простите». Ему всегда было мучительно неловко за такого человека. Сам Генка в жизни своей никогда не просил прощения. Сколько раз бывало, что стоял он в учительской и завуч Анна Аркадьевна ждала от него всего четыре коротеньких слова: «Простите, больше не буду». Или даже всего одно слово: «Простите». Но он стоял и молчал, потому что легче было ему выдержать сто разных несчастий, чем выдать это слово...

Генка смотрел на змея, плотно сжав губы. Глаза его сузились и колюче блестели.

— Запустим «Кондора»? — осторожно спросил Яшка.

— Еще чего! — не двигаясь, сказал Генка.

— Ген, давай, а? — запрыгал Илья. — Я сбегая за ним.

Генка промолчал.

Илья перестал прыгать.

— Ну а что делать? — спросил Шурик.

— Сбить.

...Они долго ничего не говорили. Сбить змея — это пиратское дело.

— Все-таки... мы же не голубятники, — нерешительно произнес Шурик.

— А я и не знал, что мы не голубятники, — сказал Генка, продолжая смотреть на змея.

Яшка молчал. У него были свои причины, чтобы молчать.

— Он ведь сам виноват, да, Гена? — заговорил Илья. — Ему сигналили, а он не отвечает. Конечно, надо сбить, наверно.

Шурик задумчиво почесал подбородок.

— Вообще, конечно... Раз он не отвечает...

— Как его достанешь? — глядя в сторону, пробормотал Яшка. — Высотища-то...

— А катапульта? — быстро вмешался Илья.

- Помолчи! — цыкнул Яшка.
- Илька правильно говорит, — заступился Генка.
- Так я и знал! — тихо и печально сказал Воробей. — А мне опять отдуваться, да?

Катапульти недавно отбили у голубятников. Вернее, не отбили, а увели из-под носа.

Это было грозное на вид оружие, слегка похожее на пушку. На колесах от водовозной тележки, с дощатым лафетом, с диванными пружинами и туго закрученными веревками. А вместо ствола торчал гибкий шест с примотанной на конце старой поварешкой. Голубятники полмесяца трудились над страшной машиной и похвалялись, что, когда ее доделают, ни один «конверт» не вернется на землю целым.

Доделать ее они сумели, а выполнить угрозу не смогли. В семь часов вечера пираты-голубятники спрятали катапульти в огороде у Сереги и Витьки Ковалевых. В девять она исчезла. Как это случилось, до сих пор остается тайной. Только Яшка Воробей знает, да Шурик, да Генка. И еще Володька Савин, капитан «Леонардо», и его дружок Игорь Кан, у которого «Пассат». Кроме того, пожалели малыша Ильку и под большим секретом рассказали эту историю ему. Услыхав этот рассказ, Илька даже стонать начал от хохота и, лежа в траве, так дрыгал ногами, будто ему сразу несколько человек щекотали живот холодными пальцами. А потом вдруг замолчал, сел и посмотрел на всех потемневшими глазами. И сказал, что это совсем предательское дело — так к нему относиться. Все всегда про все знают, а ему не говорят. Все всегда делают интересные дела, а его не берут.

Если думают, что он маленький и ничего не может, тогда пусть сами бегают, если надо кого-нибудь куда-нибудь позвать, или что-нибудь узнать, или принести, или еще что-нибудь. А он бегать не обязан.

Ильку хотели успокоить, но он успокаиваться не стал, а поднялся с травы и пошел прочь.

Только он был незлой человек и скоро перестал обижаться. Да и неинтересно было ссориться, потому что на следующее